

5

В оформлении «гражданской лирики» русского средневековья несомненную роль сыграли как образцы библейские плачи, выражающие скорбь родины, плененной и разоренной врагами. Такого рода плачи появляются в русской литературе в особо тяжелые периоды борьбы с врагами вплоть до начала XVII в. Лучший образец для этих плачей дала библейская «Книга плач пророка Иеремии», где плененный Иерусалим в изображении автора «стал как вдова, великий между народами князь над областями сделался данником» (гл. I, ст. 1). Другой библейский плач страны содержится в книге пророка Исаии (гл. 24, ст. 4 и сл.): «Сетует уныла земля; поникла, уныла вселенная, поникли возвышавшиеся над народом земли. . . Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена». Есть и среди псалмов Давида плачи на ту же тему утраты родины. В этих плачах древнерусский читатель нашел примеры гиперболического описания горя и страданий завоеванной страны.

Глубоким лиризмом проникнуто художественно правдивое описание Серапионом Владимирским бедствий Русской земли, страждущей под иггом татаро-монголов. Это полное гнева и боли описание ставит своей задачей разбудить и в сердцах слушателей те же настроения: «Не пленена ли бысть земля наша? Не взяты ли быша гради наши? Не вскоре ли падоша отци и братья наша трупиемы на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша в плен? Не порабощены ли быхом оставше горкою си работою от иноплеменник? Се уже к 40 лет приближаеть томление и мука, и дане тяжкыя на ны не престануть, глади, морове живот наших; и всласть хлеба своего извести не можем, и въздыхание наше и печаль сушить кости наша».²⁹

В следующем Слове эта картина разрастается и в нее вплетается новая тема: «в поношение быхомъ живущим въскрай земля наша, в посмех быхом врагом нашим» (стр. 8). Так в религиозно-учительное произведение входит тема гражданской скорби патриота, наблюдающего за падением авторитета своей родины, — тема разных видов собственно исторического повествования.

В обработке XVI в. повести о Меркурии Смоленском редактор ее выражает свою скорбь о Русской земле, разоренной нашествием татаро-монголов, облекая ее в форму плача самой страны: «Общая наша мати земля жерлом стоняше глаголющи: Сынове русстии, аз зрю извоставаючи вас, чадолюбимых бывших мне! Чаде мои, чаде мои, прогневавшей господа своего и моего творца Христа бога, вижу вас от пазухи моеа отторгаемы и в поганьския руки немилостиво владша вас праведным судом божиим, иго работно имущих на плещох ваших. К тому бо аз бедная вдова бых. Что первое сетую? Мужа ли или любимых чад, вдовьство же менит запустение монастырей и святых церквей и градов многих. К тому же не терплю жалости моя лютыя сея беды, взопию к творцю общему господу богу». Здесь плач-сетование переходит в молитву о прощении людям грехов, за которые они наказаны.³⁰

Связь этого плача с библейской традицией подчеркивается в редакции, сохранившейся, по словам издавшего ее В. Сахарова, в «Софийском времени» и «Костромской летописи» включением в начало речи земли

²⁹ Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, стр. 5 (Прибавление). Это драматическое описание было использовано автором летописной повести о «псковском взятии» 1510 г. в картине Пскова, разоренного московскими наместниками.

³⁰ Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. — СОРЯС, т. 99, № 8. Пгр., 1922, стр. 60—64.